
ГЛАВА 1

Она понуро брела по чавкающим грязным лужам, в которые жаркий март за неделю превратил серые осевшие сугробы. Солнце припекало через толстое пальто, так что пришлось стянуть шапку и расстегнуть пару пуговиц. Но настроение это не улучшило, разве для вот такой унылой прогулки она уговорила отца дать ей возможность начать работать в следственном отделе вместо давно приготовленного для нее теплого места помощника прокурора в соседнем от него кабинете. Первые две недели все шло прекрасно, Лена с воодушевлением знакомилась с коллегами, помогала разбираться с мелкими делами, бумажными отчетами, даже пару раз отдежурила вместе со следственно-оперативной бригадой. Но как только попросила у начальника отдела самостоятельное дело, та сразу спланировала Лену подальше, отправив в управление ГИБДД. Очень похоже, что опять заботливый отец намекнул в кулуарах МВД, чтобы его единственную и горячо любимую дочь не нагружали сложными делами. Будь его воля, он посадил бы ее разбирать бумажки в архиве, да так, чтобы уже в пять часов вечера она ужинала за семейным столом на просторной кухне генеральской квартиры. Собственно, и порученные дела от работы в архиве особой значимостью не отличались — малолетний хулиган портил машины на парковках, подумаешь велика важность. А самым отвратительным в ее первом самостоятельном деле было, конечно, то, что приходилось работать с капитаном Гимолаевым. При мысли о его недовольно поджатых губах и молчаливом высокомерном молчании — на просьбу прислать опытного разыскника отправили какую-то сопливую девчон-

ку, — Лена от досады прикусила губу, а ноги сами стали заплетаться при ходьбе.

Вдруг сбоку резко притормозила черная машина, и не успела дочь генерала повернуть голову в сторону лихого гонщика, как распахнулась дверь, и мужская рука резко втянула девушку в салон. Визг шин, и младшего следователя Семеновой словно и не бывало на асфальтовой дороге, ведущей к автобусной остановке.

В автомобиле Лена стала приходить в себя, а широкоплечий высокий мужчина рядом на сиденье и суровый водитель с веселыми искорками в глазах закивали:

— Привет! Поздравляю! Ты теперь у следаков уже не стажер, а полноценный следователь! А мы едем с Гуровым, смотрим, стажерка наша идет, решили подвезти.

— Спасибо, да я сама бы дошла, — смущенно отозвалась девушка.

Лена немного оробела от встречи, это пару лет назад за пару дней стажировки зеленая студентка даже толком не разобралась, к кому попала в подчинение. Знала лишь, что оперативники распутали дело десятилетней давности, а она помогала им с нудной работой в архивах. А вот теперь в первые недели работы в следственном отделе она наслушалась восторженных рассказов от коллег о двух легендарных оперативниках по особо важным делам, Гурове Льве и Крячко Станиславе, для которых не бывает нераскрытых дел. А теперь они сами вот так запросто предлагают ей подвезти в нужную сторону.

Полковник Гуров, заметив, как девушка смутилась, успокоил ее:

— Это в качестве благодарности за то, что ты с нашими бумажками тогда в два счета разобралась. Вот с тех пор полковник Крячко мечтает о таком личном помощнике, как ты. Мы на обед поехали, так что не переживай, есть время тебя подкинуть. А то лужи кругом такие, что танк можно утопить, а у тебя пальтишко светлое.

— Спасибо, мне на Ватутина, в управление ГИБДД надо, — Лена бросила взгляд на капли грязи на светлом ворсе. — Да, пальто в химчистку придется отдавать. Меня просто папа

раньше подвозил на работу, но я ему сказала, что сама буду добираться. Он машину хочет подарить, но я сама заработаю.

— Какие вот вы все-таки женщины своенравные бываете, — шуточно заметил Стас. — Рождаетесь уже такими, наверное, чтобы мужчины не расслаблялись.

— Да я не желаю папу напрягать, хочу всего в этой жизни сама добиться без его помощи, а то в отделе и так за спиной болтают, что я генеральская дочка. Даже первое дело дали скучное и простое, в ГИБДД помочь разобраться, что за мальчишка машины портит, — Лена сама не поняла, как выдала свои размышления двум взрослым оперативникам. Наверное, ей давно надо было с кем-то поделиться своими сокровенными мыслями, но на работе она осторожничала, изо всех сил пытаясь избежать репутации папиной дочки и пересудов за спиной, но подруги, с кем можно пооткровенничать, слишком далеки от новой работы, а мама и родственники целиком на стороне отца в заботе оградить нежную Леночку от тягот службы сотрудника МВД.

— Эх, Елена, наша служба и опасна и трудна. А иногда занудна, скучна и однообразна. Преступники с фантазией, к счастью для нас, встречаются редко, — Стас подмигнул напарнику в зеркало заднего вида, из-за наступающей весны и яркого солнца с утра у него было прекрасное настроение.

— Да, лучше уж хулиганы и поцарапанные машины, чем те преступления, что мы обычно расследуем, — поддержал напарника Гуров.

Девушка, соглашаясь, кивнула, два года назад она пришла в ужас от того дела, что расследовали оперативники, — десятки убийств невинных стариков, в том числе и родной бабушки Лены. Из-за чего она тогда с двойным усердием перебирала старые материалы в затхлой комнатухе архива и помогла в конечном итоге найти следы убийц.

— Да, я понимаю, что начинать надо с чего-то...

— Но? — Лев Иванович замолк, ожидая продолжения фразы.

На улице он заметил, как поникшая девушка, новая сотрудница в следственном отделе, еле плетется по улице. Поэтому и остановил машину, предложив коллеге подвезти быв-

шую студентку. Тогда, два года назад, он заметил внутренний боевой дух, стержень в хрупкой студентке, но сегодня Лена была не похожа сама на себя.

Она замялась и продолжила:

— Если бы меня слушал Гимолаев, капитан, который занимается этими делами. Он же просто смотрит на меня как... словно я неразумный ребенок! Я несколько дней изучала дела, готовила для него поручения. А он от меня просто отмахнулся, а когда я сама просмотрела записи с камер наблюдения, то накричал и даже слушать не стал. Но в деле есть зацепки для оперативных мероприятий, есть! Но он же вообще ничего не хочет делать, а я не хочу жаловаться начальству. Я не маленькая девочка, чтобы ябедничать, — от выплеснутого недовольства Лене полегчало, но тут же предательски защемило в носу. Она замолчала, чтобы не разреветься, словно она обиженная девчонка, а не младший следователь.

— Ситуация, конечно, неоднозначная. Только тебе необходимо с ней все-таки разобраться, — Лев Иванович уже остановил машину и на водительском сиденье повернулся к девушке вполоборота. — Работа — это не только расследование преступлений, это так же и выстраивание связки следователь — оперативник, очень важной связки. Без твоей помощи в архиве мы тогда бы не вышли на след преступника, а без нас твои логические размышления так бы и остались на бумаге. Так что это очень важный навык, которому тебе предстоит учиться. Давай так договоримся, я сейчас с тобой зайду к этому капитану, пообщаюсь с ним немного, изложишь свои размышления. Надеюсь, он прислушается. Голова у тебя, Лена, работает отлично, а вот над общением и выстраиванием отношений на работе сейчас есть возможность поработать. Согласна?

От его серьезного тона Лена внутренне подобралась, слабость улетучилась, и она решительно кивнула.

В отделе, где сидели сотрудники, было пусто — время обеда. В коридоре на ряде металлических сидений примостились заявители. За одним из трех столов сидел красный от духоты и недовольства капитан отдела расследований Гимолаев. Крупный рыхлый мужчина в тесноватой уже ему форме при появлении юной следовательницы в сопровождении целого пол-

ковника застегнул верхнюю пуговицу, подобрался и протянул руку в знак приветствия:

— Добрый день, товарищ полковник, — проговорил он настороженно. — Капитан Гимолаев. Чем обязан?

— Старший оперуполномоченный по особо важным делам, Гуров, — представился официально Лев Иванович.

Он присел за стол и оглядел пустой отдел — никто не помешает разговору.

— Как вас по имени-отчеству?

— Геннадий Петрович, да можно Геннадий и на «ты», — капитан немного выдохнул, и его округлый животик сразу навис над тесным ремнем.

— А меня зовут Лев. Геннадий, тут такое дело. Понимаю, что ведомства у нас разные, но я с Еленой уже работал два года назад. Соображает она просто отлично, помогла нам распутать громкое дело, которому было больше десяти лет. Так что сомневаться в ее способностях не стоит. Я так понимаю, у вас серия преступлений наметилась и с поисками преступника возникли трудности? Может быть, расскажешь, какие именно? А потом вместе Лену послушаем и сообразим, как лучше провести расследование.

— Да что рассказывать, с цепи кто-то сорвался и машины крушит. Зеркала отрывает, царапает, разбивает стекла, колеса прокалывает. Псих какой-то, а может их несколько. По всему городу волна подобных преступлений идет, да весна наступает — у психов обострение, чего тут думать-то! — проворчал капитан. Душный кабинет, настырная зеленая следачка, гора нераскрытых дел перед ним, а теперь и наглый опер раздражали его все больше и больше.

В ответ Лена взвилась на своем стуле:

— Но это самое простое объяснение, все свалить на сезонное обострение. Я просмотрела вчера видео, почти на всех машинах сейчас установлены видеорегистраторы, есть камеры на оживленных улицах. Масса записей и преступника хорошо видно — это ребенок! Подросток, судя по росту и телосложению лет четырнадцати, одет всегда в черную кофту с капюшоном и маску. У него есть примета — хромота на правую ногу! Он бывает во всех районах города, но в основном в центре и

юго-западе, никогда на окраинах или в отдаленных районах не появляется. А еще, в этих преступлениях есть один общий признак! Все машины, которые подросток портит, неправильно припаркованы. Я просмотрела схемы, составленные инспекторами на месте преступления. Во всех случаях водители нарушали правила парковки! То есть злоумышленник не все подряд машины портит, а выбирает автомобили, которые припаркованы с нарушением правил.

— А для таких есть эвакуаторы, вот и вызвал бы наряд ГИБДД, а не портил чужое имущество! — сопротивлялся доводам молодого следователя Геннадий.

— Он уже совершил преступления, и нам надо расследовать эти дела. В инспекцию по делам несовершеннолетних обратиться, потом запрос отправить в детские поликлиники и больницы, ведь преступник должен был проходить лечение или состоять на учете с травмой ноги. У нас есть же приметы, с помощью видеозаписей и свидетелей можно составить фоторобот и найти преступника.

— Геннадий, Лена правду говорит, столько дел сразу раскроешь. У тебя план на полгода вперед по раскрываемости будет выполнен.

Но красный капитан уже вскочил в приступе ярости:

— Запросы, опросы, свидетели, — передразнил он девушку, стукнул ладонью по высокой стопке документов. — Вот заявления только за последние две недели, — он взмахнул на стену из коробок, стоящих вдоль стены. — А это материалы за последние два месяца. А сколько человек в коридоре сидит? Пятнадцать, двадцать? И все ко мне! Все с этим хрым хулиганом! Да я на обед сегодня не ходил и только и делал, что заявления принимал, а заявителей по-прежнему полный коридор сидит и не убавляется. И все требуют, начальство требует, а теперь и она вот требует! Да идите вы к черту! У меня обед! Пускай тут хоть кабинет разнесут, пусть хоть увольняют. У меня, между прочим, гастрит от нервов обострился! Сначала на обед, а потом в поликлинику поеду. Сами разбирайтесь, достало все!

Капитан с силой захлопнул дверь за собой и затопал по коридору, игнорируя выкрики посетителей:

— А вы что не будете сегодня принимать заявления?

— Это возмутительно, я с утра сижу и жду, когда вы уже работать начнете? К начальству вашему сейчас пойду!

— Э-э-э, капитан, ты куда помчался?! У меня мерин гвоздем расписали под хохлому, ты давай уже разбирайся, пока я тебя не расписал.

Лена растерянно хлопала ресницами:

— Что теперь?

— Если капитан уйдет на больничный, то другого сотрудника назначат. А вообще, Лена, поговори ты лучше с руководителем своего отдела. Здесь вопрос не в тебе и не в капитане, при таком объеме работы сюда побольше сотрудников надо, чтобы каждый своим делом занимался. А то Гену смыло сейчас бумажной волной, перегрелся парень. Ты давай с нами на обед, а потом отвезем тебя обратно в отдел. Уверен, у вас начальница толковая, найдет решение организационной проблемы.

— Нет, — упрямо замотала головой юная сотрудница следственного отдела. — Не могу я на обед, Лев Иванович. Я вместо капитана заявления приму, люди не должны ждать весь день в коридоре. Сделаю все, что смогу. А там будь что будет.

— Елена, — Гуров строго взглянул на девушку. — Давай вот только без подвигов. Вон капитан без обедов доработался до того, что с рабочего места сбежал.

— Да все нормально, я уже поела. Вы, когда меня подвезли, я с обеда шла. Спасибо вам за поддержку, справлюсь, — улыбнулась Лена и тут же снова стала серьезной, прошла к двери и обратилась к ожидающим:

— Заходите, кто следующий?

Очередь возмущенно загудела, зашуршала одеждой, споря, кто и за кем занимал.

Лев Иванович сокрушенно покрутил головой, сам когда-то был таким вот упрямым и жадным до работы. Эти принципы с ним так и остались на долгие годы работы оперативником, несмотря на звания и награды, но прибавилось терпение и житейская мудрость. Он понимал, что в этой ситуации никто не виноват. Такой поток заявителей на самом деле могут осилить не меньше трех сотрудников, а навалились все дела на усталого

Геннадия, который совсем растерялся от такого потока однотипных происшествий.

В машине его ждал Стас, он протянул напарнику ароматный сверток в упаковке:

— Вот, держи. Шаурму тебе взял, на обед уже не успеваем никуда поехать. Я-то перекусил в местной забегаловке, с ребятами поболтал. Вкусно у них тут готовит парнишка. И манты, и плов. Как у вас с капитаном дела обстоят?

Лев лишь махнул рукой и впился зубами в хрустящий лаваш с сочной начинкой. Общительный Стас, как обычно, собрал ворох новостей во время обеда.

— А у них тут отдел гудит. Псих завелся в городе, машины крушит и выбирает, что подороже. Уже и парочка депутатов приезжала и чиновники из мэрии, да не просто гвоздем царапает, а от души уродует машину. Всегда зеркала сбивает, фары вдребезги, колеса не просто проткнуты, а вдоль оси располосованы, так что никакой шиномонтаж не поможет. Вот ненормальный, да? Как представил, что мою машину вот так раздолбят, аж тряхануло. Я бы ему табло разбил за такие вещи.

— А что говорят, кто это делает?

— Да вроде подростки балуются, на камеры всегда пацана фиксируют. Да какому нормальному взрослому придет в голову такую дичь творить. Ну бывает, что под воздействием алкоголя или во время ссоры крушат мебель, машины. Гонщики всякие между собой соревнуются и могут друг другу устраивать подянки, но здесь ненормальный просто. Или дурь подростковая наружу вылезает. Я в четырнадцать лет тоже устраивал концерты, отец меня каждую неделю ремнем прикладывал и приговаривал — не доходит через голову, дойдет через пятую точку.

— Сработал метод, — Лев Иванович облегченно вздохнул, сунул в карман автомобильной двери смятую упаковку, после перекуса настроение улучшилось. — Ну все, давай обратно в отдел. Лена сейчас сама разберется, а завтра загляну в следственный отдел, уточню, как там ситуация разрешилась. С этим малолетним хулиганом бригаду надо организовывать, очень продуктивный парень. У них весь отдел расследования ГИБДД материалами по этим испорченным машинам завален.

А сколько не заявили, рукой махнули и за свой счет машины починили? Елена уже в отделе портрет преступника нарисовала, поезжай, находи и задерживай. Так что пускай само начальство ГИБДД ищет свободные руки и решает проблему, это не по нашей части.

— Да, нам ограбления и убийства подавай, а сейчас сезонное обострение начнется, все психи из нор вылезают, — вздохнул Стас. Меньше всего ему хотелось в солнечный день осматривать чей-либо труп или заниматься вооруженным нападением.

— Сплюнь, и так работы хватает, — скомандовал напарник и завел автомобиль.

Лев Иванович был согласен с напарником. Сейчас он с гораздо большим удовольствием прогулялся бы с женой по набережной.

На следующий день в кабинет к оперативникам заглянул генерал Орлов и кивнул:

— Зайди ко мне, Лев Иванович.

Гуров нагнал начальника в коридоре:

— А что случилось, товарищ генерал? На планерке же вроде все обсудили, у меня в разработке мошенники с вокзала.

— Там по твою душу начальство прибыло. — Орлов приостановился и предупредил оперативника: — Вчера вы с Леной Семеновой, новенькой из следствия, в ГИБДД шороху навели. В общем, они тебя теперь требуют к расследованию подключить, сами не справляются, нужен им профессионал высшего уровня. Прибыли целой делегацией, как их отправить обратно, ума не приложу.

В кабинете у генерала за столом, где обычно проходили совещания оперативного состава, расположились важные гости: два человека в форме, с генеральскими погонами; высокий пожилой мужчина, чье лицо Гурову было знакомо, по новостям из телевизора, он рассказывал о работе администрации президента.

Гуров поздоровался со всеми, присел, а хозяин кабинета похлопал его по плечу:

— Вот, знакомьтесь, легендарный полковник Гуров Лев Иванович. — Орлов занял свое место за столом. — У заместителя министра есть приказ...

Пожилой мужчина сверкнул золотой оправой очков и прервал Орлова:

— Ну что вы, не приказ, скорее просьба. А суть дела в том, что вы вчера ознакомились с проблемой, которая возникла в соседнем ведомстве, в ГИБДД. Проблема разрослась до катастрофических масштабов, от действий хулигана пострадали чиновники мэрии, сотрудники государственного аппарата, а уж не упоминаю обычных граждан. Ущерб на миллионы. К сожалению, компетенция сотрудников отдела расследования ГИБДД не позволяет им вести это дело эффективно, поэтому было принято решение подключить профессиональных сотрудников из вашего отдела. Если вы, конечно, не против, Лев Иванович. Вы ведь не против?

«Добровольно-принудительная просьба», — усмехнулся про себя Гуров. Он понимал, почему огорчен Орлов, у которого каждый оперативник на счету.

— Я не против, только ведь следователь Семенова уже практически выявила преступника. Версия отличная, осталось по детским больницам проверку провести, и преступник будет найден.

Важные гости переглянулись, а генерал Орлов не выдержал и с досадой предложил:

— Может, Лев Иванович продолжит и дальше заниматься тяжкими преступлениями, а я вам выделю сотрудника, тоже опытного оперативника, который будет по больницам ездить, свидетелей опрашивать? Куда это годится, полковник, старший оперуполномоченный будет хулиганкой заниматься.

Грузный седой генерал запыхтел, словно закипающий чайник, голос у него был густой и громкий, казалось, от его силы дрожат стекла в кабинете Орлова:

— Да ездить самому никуда не надо. Мы же понимаем, что у вас своих дел хватает и поважнее нашего. Мы, как бы сказать, больше для консультации пригласить Льва Ивановича хотим. Сотрудники для беготни есть, выделим нескольких человек, с сегодняшнего дня оперативно-разыскная группа создана. Ну

чего ждать, вчера моей внучке возле института все зеркала отодрали с новехонького «Мерседеса»! Лев Иванович, да день-два за опергруппой присмотреть надо, направить, чтобы ребята зря не бегали. Это же ГИБДД, а не уголовка. У нас сотрудники не привыкли строить версии, разрабатывать портрет преступника, здесь своя специфика нужна. Расследование у нас больше на тему, кто уступил дорогу, кто пропустил, кто правила нарушил, фотографии сделать, ущерб от аварии прописать. Никаких хитрых схем или маньяков, вот нам и нужна ваша помощь, чтобы быстрее завершить расследование. Уже и пресса разнюхала, да заявители скоро толпой на управление пойдут. За две недели больше четырехсот заявлений, никогда такого не было беспредела! Его надо остановить как можно быстрее! — в завершение речи генерал стукнул ладонью по столу.

Орлов удивленно покрутил головой, заместитель министра подпрыгнул от резкого звука, а второй военный вытянулся в струнку.

Лев Иванович кивнул:

— Я понял, тогда со следователем Семеновой еду в управление, там проведу планерку с группой и выдам задание.

Гости радостно загудели, поднялись с мест и направились к выходу. Лев Иванович задержался у двери, пропустив всех вперед, обернулся и ободряюще улыбнулся недовольному Орлову:

— Через два дня вернусь, товарищ генерал.

Тот вздохнул в ответ:

— Договорились, а то я уже думаю, в гараж, что ли, свою машину загнать с парковки возле дома или на платную отдать. Только на лето новую резину купил.

Он задержал дыхание, бросил из-под капюшона взгляд влево и вправо — никого в рассветной полумгле. Натянул повыше медицинскую маску на лицо, так что остались одни глаза, подошел поближе к машине и со всей силы ударил ставшей ненавистной за эти три месяца боли и страданий палкой. Резиновый наконечник трости снес зеркало, гвоздь глубоко впился в глянцевый бок автомобиля и двинулся по кругу, вспарывая гладкую поверхность. Он наклонился, хорошо, что не надо присаживаться, чтобы всаживать нож в каждое колесо и взре-

зять упругую резину, не сжиматься при движении от ощущения, словно раскаленная игла вонзается в колено и медленно плывет по всей ноге, так что по затылку, по спине его разрывает волна дикой боли, от которой ползут капли пота, встают дыбом все волоски на коже и мелко трясет от озноба. Он шагнул в сторону, и тотчас же в большое колено впились миллионы ледяных колючек, но при взгляде на выпотрошенную машину, провисшие лохмотья проводов, осколки зеркала, рану на глянцевого боку машины попытка на секунду отступила, как будто вся боль и ощущение разрушенного тела перешли в испорченный автомобиль. Он выдохнул, сделал шаг, качнулся вперед, поймал равновесие и тяжело зашагал дальше вдоль голых клумб весеннего парка.

ГЛАВА 2

В отделе расследования ГИБДД, где чаще всего расстроенные потерей железного коня граждане писали заявления, чтобы им потом возместили ущерб в страховой, сегодня царил оживление. За каждым столом сидел сотрудник, к которому выстроилась очередь из заявителей. Сотрудники принимали заявления, опрашивали пострадавших автовладельцев и отправляли их восвояси; потом работа над делом переходила к следователю. Елена мельком просматривала очередной протокол, фотографии повреждений, откладывала папку и вбивала данные в таблицу.

— А что потом с таблицей будем делать, Лев Иванович?

Гуров оторвался от просмотра очередной видеозаписи:

— Есть знакомый спец, если будет необходимо, то он сведет нам все данные в любом виде. Может, как график построить по периодам или по карте Москвы географически разложить, но из нашей таблицы ему брать данные будет удобнее. Да и нам так проще фиксировать: если вопрос возник, быстро можно отыскать номер дела, а то тут несколько сотен эпизодов. Давно я такого не встречал.

— А как думаете преступника вычислять?

— Ты и сама знаешь, Лена. Ты все правильно тогда сказала — через больницы и поликлиники проще всего этого под-

ростка вычислить. Под маской лица не видно, остается ориентироваться на вторичные приметы. Только знаешь, заметил, что он на самых ранних видео сильно хромает, а потом все меньше и меньше. Так что можно с травматологий начать, навряд ли у него хроническое заболевание.

— Отлично, я тогда обзвоню детские больницы, где есть отделение травматологии и соберу за последние три месяца данные по мальчикам в возрасте от десяти до шестнадцати лет с травмой конечностей. Покажу им снимки с камер, пускай на видеозаписи практически и не видно под медицинской маской лица, но вдруг повезет и его опознают.

— Давай-ка лучше на обзвон дополнительно посадим одного сотрудника, а ты со мной прокатишься по подразделениям по делам несовершеннолетних. Покажем фотографии нашего хулигана, может, кто из инспекторов опознает.

Не успел Лев Иванович выйти из кабинета, как дверь открылась чуть ли не пинком. Парень с татуировками на лице, в длинной шубе до пят, шляпе с огромными полями и ярких солнечных очках остановился в проеме, манерно приподнял дужку и уточнил:

— Ну что, кто тут главный?

Ближайший из сотрудников показал в сторону Гурова и Лены, все визитеры замерли в ожидании интересного зрелища.

Неординарный молодой человек прошел к столу и ловким движением придвинул измятый листок поближе к оперативнику:

— Вот заявление, юрист составил. Принимайте. Какая-то скотина оторвала зеркало на моем «Феррари». Да это зеркало стоит, как этот отдел, срочно найдите преступника.

Из-за спины парня вдруг высунулся низкорослый человек в строгом костюме и заговорил:

— Добрый день. Артур Цепков, лучший адвокат Москвы, представитель нашей звезды. Наш селебрити хотел бы подать заявление о хулиганском нападении на его шикарнейший автомобиль марки «Феррари», стоимость повреждений пятьсот тысяч триста девяносто шесть тысяч рублей. Так что вот примите, пожалуйста, заявление.

По ошарашенной толпе прошел ропот удивления, от которого звезда расправила плечи и задрала подбородок повыше.

— Вы проходите к первому из сотрудников, кто освободится. У вас примут заявление, если есть фотографии повреждений, можете приложить к заявлению. Потом вас опросят для протокола, — Гуров показал на ряд столов с посетителями, потом покосился на изогнутую фигуру парня. — Шубу можете снять, здесь тепло.

— Что, что он говорит, Артурик? — взвизгнула звезда и повернулась к адвокату, снеся полой шубы часть документов со столов. — Этот человек, он начальство? Пускай выпишут мне бумажки, которые ты назвал. Что там надо, ну?

Невысокий мужчина в костюме выскочил вперед:

— Я все решу, все решу, не волнуйтесь, — он перегнулся через стол и зашептал Гурову: — Не надо волновать господина Пруфа, он не любит общаться с простым народом. Он же селебрити, золотой микрофон, понимаете? Вот вам заявление, давайте нам бумажку для страховой, номер дела. Она все оплатит, нам просто нужны документы.

Лев Иванович также громким шепотом ответил:

— Понимаете, я не могу просто дать вам бумажку с номером дела, для этого необходимо принять заявление, опросить пострадавшего, извините, селебрити Пруфа, и завести дело.

Адвокат осмотрелся по сторонам, протянул вполголоса себе под нос:

— Понятно, — и аккуратным движением вытащил из кармана пухлый конверт, суетливо переместил его на стол к Гурову и подвинул поближе к полковнику.

Оперативник неожиданно громко уточнил:

— Это что у вас? Фотографии повреждений машины?

От громкого голоса адвокат подпрыгнул и торопливо сгреб конверт обратно:

— Это ничего, это у меня выпало. Все-таки, может быть, можно сделать исключение для знаменитого идола? Пруф очень торопится, его время очень дорого стоит. Вы можете принять его без очереди и подальше от обычных людей.

Льву Ивановичу окончательно надоела эта беседа с идолом. Конечно, посетители от души развлекались неожиданным

представлением. Некоторые даже фотографировали Пруфа на телефоны, но у Гурова не было времени учить залетную звезду хорошим манерам, министр и парочка генералов ждут от него результат, а генерал Орлов ждет его возвращения. Лена словно прочитала его мысли:

— Давайте я приму заявление у... Пруфа... это фамилия или имя?

— Это творческий псевдоним, — вдруг заговорил человек в шубе. — Мой товарный знак, между прочим, зарегистрированный.

— Хорошо, понятно, — Елена быстро ориентировалась в неожиданных ситуациях. — Вы присаживайтесь, мне нужны документы вашего клиента, паспорт и документы на машину. — Она повернулась к оперативнику: — Я закончу здесь, Лев Иванович, и сама к вам подъеду, хорошо? Я так понимаю, что в этом случае лучше побыстрее принять заявление, чем спорить.

— Вот прекрасно, прекрасно видеть такую отзывчивость и понимание в подрастающем поколении, а то все молодежь ругают, говорят, что они всякую дрянь смотрят и слушают, — адвокат испуганно покосился на своего клиента, подтянул стул поближе к столу. — Присаживайтесь, эта очаровательная девушка буквально за пять минут оформит документы, и мы поедем домой, — заметив скривившийся рот звезды, адвокат заюлил: — Понимаю, понимаю, это ужасная ситуация, кошмарное испытание. Но трудности ведь они вдохновляют, вы потом напишете песню! Бриллиантовый хит, крутой бит! Туц, туц, с моего «Феррари» зеркало украли. Как вам рифма?

Селебрити благосклонно кивнул и плюхнулся на стул. Гуров же перед уходом уточнил:

— А скажите, автомобиль, на котором вы обнаружили повреждения, был припаркован по правилам?

— Что-о-о-о? — удивленно протянул парень, он явно не понял вопроса. — Аркашка, водитель, как всегда, парканул мой кар на газоне, я же не могу идти целый километр до концертного зала, тем более в такую погоду по лужам. Мой голос стоит миллионы, его надо беречь. Новые кроссовки от Дольче марать в столичной грязи?

Лев Иванович подмигнул Лене и отправился объезжать на своем обычном автомобиле районные подразделения по делам несовершеннолетних. На его вопросы везде инспектора разводили руками или отрицательно качали головой. Одна из сотрудниц, а состав инспекторов ПДН состоял исключительно из женщин, всмотрелась в фото и уточнила:

— А чего автомобили везде рядом? По машинам специализируется?

— Есть такое, — подтвердил Лев Иванович. Это был уже пятый или шестой похожий на остальные районный отдел по работе с несовершеннолетними: небольшое помещение, отделанное недорогими пластиковыми панелями, железный сейф, шкаф с личными делами подопечных, потрепанный стол, старенький компьютер. И везде за ним сидят женщины средних лет с усталым лицом и понурым видом.

А эта женщина сразу выделялась своей огненно-рыжей шевелюрой, активной жестикуляцией и главное — предположением:

— Есть тут у меня один деятель, месяца через три ему исполняется шестнадцать. Столько крови он моей выпил, — она вытащила из шкафа пухлый разлезающийся во все стороны том личного дела, открыла первую страницу и ткнула ярко накрашенным ногтем в фото. — Вот, не похож, конечно, на ваши фотографии. Но по специализации вам подходит, больше тридцати угонов за два года. Угоняет просто так, не ради наживы, а для забавы. Покатается и бросает, наглый до ужаса. Бабушка воспитывает и сестра старшая, семья хорошая.

Гуров подтянул к себе толстую папку, с фотографии на него глядело губастое мальчишеское лицо — россыпь конопушек, торчащие в стороны уши, упрямый вихор стоит дыбом над большим лбом.

Шилов Иван Андреевич.

Он начал листать личное дело, а инспектор комментировала:

— Фамилия у него говорящая, шепутной, одним словом — шило. Раньше мальчишка как мальчишка был, нормальная семья. Мать поваром работала в кафе, отец автомеханик, золотые руки; он и моему мужу всегда машину ремонтировал. Да его все

знали, весь район, и мальчишка при нем всегда в мастерской после школы помогал. А потом родители погибли в аварии, и он как с цепи сорвался. Никого не слушает, ни бабушку, ни сестру. Хотя что они могут, бабка большая совсем у них, ей кое-как внуков отдали из-за инвалидности, а сестра всего на три года старше, да и она сама еще ребенок, не может быть с ним строгой. Да и поздно, я думаю, уже ничего не сделаешь, он у меня на участке второй год фортеля выкидывает, каждый месяц Шилов в отчете. И все его выходки — это угоны машины, в электрике он соображает, сигнализацию может отключить, завести автомобиль без ключа. Катается с пацанами по городу на угнанной машине, а потом бросает где-нибудь. Сколько раз я с ним разговаривала и тюрьмой пугала, объясняла, что стукнет шестнадцать и отправят его лет на пять, там уже столько дел накопилось!

Лев Иванович пробежал глазами по длинной веренице номеров уголовных и административных нарушений начинающего преступника.

Инспектор в это время ругала и ругала Ивана, а потом просительно взглянула на Гурова:

— Давайте я его сейчас позову? У меня телефон его сестры есть, пускай приведет его, поговорите, а? Они недалеко здесь живут, за школой, десять минут и будут тут. Вам же все равно надо дело расследовать, правильно? Пускай даже и не Ванька виноват с этими изуродованными автомобилями, так хоть вы его напугаете, пусть поймет, что это не шуточки. Только вы ему пригрозите как следует, по-мужски, а то нас он давно уже не слушает.

Он не успел согласиться, а инспектор уже заговорила по телефону:

— Лиза, привет! Тут ваш Иван опять набедокурил, из уголовного розыска за ним пришли. Ты бери его, и оба ко мне в отдел бегите, — она выслушала собеседницу. — Да, не надо сумку собирать, Лиза. Не арестовывают вашего гонщика, серьезно поговорят, спросят, что он там опять натворил. Не скажу я бабушке, поэтому тебе и позвонила, ты же теперь совершеннолетняя, так что по закону можешь выступать на беседе

как законный представитель Ивана. Да успокойся, не реви. Документы бери и идите ко мне.

— Все, — выдохнула женщина. — Сейчас придут Шиловы, поговорите с ним. Даже не знаю, будет ли смысл. Он же, как еж, всегда иголками наружу, только огрызается, хамит в ответ, хотя я ему только добра желаю. Ведь на моих глазах они из детей превращаются в преступников, жалко мне пацана и семью его. У бабушки уже два сердечных приступа было, не вынесет она его выкрутасы, а сестра вместо учебы на работу пошла, чтобы этого хулигана поднимать, до окончания школы довести.

Лев Иванович постарался вежливо прервать жалобы женщины:

— А скажите, у Ивана были травмы ног за последние полгода? Может, ударился или вывих ноги был, нормально он ходит?

— Не ходит, скачет! — скривилась женщина. — Здоров он как бык, никаких травм или ушибов, хоть и гоняет на этих тачках как сумасшедший. Говорю же вам, сомневаюсь я, на фото совсем не Иван, да вы сами сейчас убедитесь. Единственное, что на мысль о нем навело, так это автомобильная страсть. Как машины увидела на всех фотографиях, так сразу про Шилова вспомнила.

— Здравствуйте, — их диалог прервало робкое приветствие у двери.

На пороге стояла, смущенно вцепившись в потертую куртку, невысокая худенькая девушка с толстой светлой косой через плечо, на бледном лице застыло испуганное выражение; за спиной у нее маячил высокий, ростом почти до верха дверного проема, нескладный подросток. Брат с сестрой неловко, бочком, протиснулись в узкий кабинетик, сели и в напряженном ожидании неприятного разговора застыли на стульях.

— Вот смотри, Иван, к тебе уже приехали из уголовного розыска, теперь ты не только по всему району будешь позориться, а по всему городу, да? Что ты натворил опять, давай рассказывай! — Инспектор по делам несовершеннолетних привычно начала отчитывать своего подопечного.

Подросток насупился, опустил голову, но не отвечал ни слова. Сестра потянула его за рукав:

— Ваня, говори, тебя спрашивают.

Тот грубо вырвал руку, выпрямился на стуле и с вызовом сказал:

— Ничего я не делал, вечно Шилов да Шилов. Как что, так сразу Шилов, я в школу ходил, дома сидел. Чего пристали?!

— Иван, ты что так старшим отвечаешь! — возмутилась инспектор. — Хоть бы каплю уважения проявил к сестре и ко мне, мы же о тебе заботимся.

— А не надо обо мне заботиться! Я сам свои проблемы решу! — зло выкрикнул паренек.

У Лизы на глазах навернулись слезы, при виде которых Иван разозлился только сильнее и зашелся в приступе ярости:

— Чего вы пристали! Я же сказал, что не буду больше угонять, не буду! Я бабушке поклялся на фотографии мамы и папы, значит, не буду. А вы мне не верите, тюрьмой пугаете. Да лучше в тюрьму, чем так жить — никуда не выйти, только дома сидеть и уроки делать! И все равно никто не верит! А я к машинам не подходил уже неделю, как и обещал. А вы мне не верите!

От возмущения подростка трясло, голос то и дело срывался с баса на визгливый детский крик; Лиза не выдержала и расплакалась, а сотрудница попыталась успокоить подростка, накричав в ответ:

— Ты потише веди себя! Бабушку свою хоть пожалей, если для тебя сестра пустое место. Не верят ему, да как тебе верить, если ты мне тут лично в этом кабинете сколько раз клялся, что больше твои подвиги не повторятся. А потом опять и снова, как машина пропала, так Шилов, значит, всю ночь с друзьями катался! Докатался! Замолчи лучше и на вопросы ответь, я тебя по серьезному делу вызвала!

Среди этого скандала Лев Иванович молча наблюдал за Шиловым и каждую секунду все больше сомневался — Иван совсем не походил на фигуру на видео. Высокий, несурзанный, с длинными руками и ногами, движения резкие, а на хромоту не было и намека.

У подростка на видео все движения были выверенными и сдержанными: удар арматурой по фарам, удар по зеркалам заднего вида и обход с гвоздем вокруг корпуса машины, с присе-

дом возле каждого колеса, осторожные шатающиеся шаги из-за больной правой ноги.

— Так, время идет, на разговор его все меньше остается, — Гуров привстал со стула, обозначая окончание общего скандала, так что все споткнулись на полуслове. Он спокойно и открыто взглянул в перекошенное от злобы лицо мальчика:

— Девочки сейчас прогуляются немного, воздухом подышат, им надо прийти в себя, а то ты наговорил им неприятных вещей. А мы с тобой побеседуем один на один, минут пятнадцать.

Инспектор, к счастью, оказалась сообразительной, она подскочила со стула, прихватила свою куртку с вешалки и потянула Лизу к выходу:

— Идем, прогуляемся. На улице постоим, свежим воздухом подышим, а то я весь день в четырех стенах.

Лиза ей подчинилась, растерянно оглядываясь то на брата, то на оперативника, она двинулась к двери, а возле порога повернулась к Гурову и одними губами прошептала:

— Только не бейте его, умоляю! Не надо бить, он... он... ребенок еще, глупый. Это он так из-за отца переживает, прошу вас... Я заработаю и отдам за ремонт.

— Идем, идем, — женщина буквально вытащила ее за рукав куртки в коридор и прикрыла дверь.

Лев Иванович подвинул поближе стул к настороженному пареньку, достал пачку фотографий с разбитыми машинами и спросил:

— Ты это сделал?

Тот отрицательно закрутил головой. Оперативник сверился с пометками в блокноте:

— Где был вчера весь день?

— В школе с восьми утра и до обеда, потом дома.

— После школы сколько времени на улице болтался, в центр города ездил?

Ваня залился краской:

— Нет. Меня Лизка из школы забирает как малявку, чтобы я не сорвался. — Он положил на колени большие ладони с крупными пальцами и стал рассматривать свои руки. — Мы так с ней договорились, что она будет мне помогать, встречать

из школы до дома, пока у нее перерыв на обед. Пацаны смеются, но мне плевать. Мне так легче, чтобы не убежать из дома. А дома бабушка на ключ дверь закрывает и прячет его, тоже чтобы я не сбежал. Как в тюрьме.

Лев Иванович сделал пометку в блокноте, нет это не Шилов, на вчерашние пять заявлений у него есть свидетели. Даже если бабушка с сестрой его покрывают, то парня должны были видеть одноклассники и учителя. А автомобили, судя по дате и времени на видеозаписях, разбились как раз в утреннее время, в период с 7 до 10 утра.

Гуров отложил в сторону блокнот:

— Как в тюрьме говоришь. Так вот, если ты так хочешь в тюрьму, ты в школу больше не ходи и с сестрой не встречайся. В тюрьме ты ни сестру, ни бабушку видеть не будешь. Придется вставать в пять утра, есть на завтрак кашу-размазню на воде без соли, без масла. Потом будешь садиться за швейную машинку и шить, и никаких перерывов, перекусов, разговоров.

— Чего я баба, что ли, шить на машинке.

— Тебя никто на зоне спрашивать не будет, чего ты хочешь, а чего нет. Норму не выполнишь по работе, посадят на неделю в одиночку. Хочешь попробовать, как находятся в тюрьме, в одиночке? А ты выйди в подъезд в одних штанах и футболке и постой там среди бетонных стен до самого вечера. Садиться нельзя, разговаривать нельзя, спать нельзя. И так неделю стой целыми днями без движения. На обед уху из рыбьих хвостов или ты рис с червями предпочитаешь? И вокруг сотни человек, спать придется вместе с ними, в туалет ходить вместе с ними, раз в неделю в душе под теплой водой мыться вместе с ними. Никаких нотаций, одни друзья. Нравится? Сколько хочешь так жить, пять лет или десять? Видел твое досье, на пятерку уже насобирал, время есть, чтобы и до десятки дотянуть. А твои родные хоть свободно вздохнут, сестра доучится, бабушка волноваться перестанет, пенсию можно будет не тебе на одежду и еду тратить, а себе лекарств купить, в санаторий съездить на лечение. Давно бабушка у тебя в санаторий ездила, а? Что ты голову опустил, вставай, привыкай по струнке стоять! — рыкнул Гуров, так что подросток подпрыгнул на стуле и вытянулся во весь рост. — Сколько лагерное начальство захочет, столько и

будешь в строю стоять, все равно день или ночь, а в пять утра опять на работу и так половину твоей жизни. Заключение Шилов, нравится, как звучит?

Ванька несмело замотал головой. А Лев Иванович тяжело вздохнул, ему не хотелось так грубо разговаривать с парнем, но он понимал, что только страх сейчас остановит слетевшего с катушек после смерти родителей подростка. Он достал вторую пачку фотографий, разложил веером на столе. Надо еще поговорить с мальчишкой, он много времени провел на улице, может, знает кого-то с таким же криминальным увлечением, как у него, вдруг опознает подростка на фото. Хорошо, что он отправил инспектора и сестру из кабинета, их назидательный тон и слезы мешают мальчику, вызывают в нем бурные реакции.

— Садись. Посмотри, есть кто-нибудь знакомый здесь?

Подросток внимательно посмотрел на фотографии, покрутил их, поцокал языком. Ему явно было жалко чужое имущество, так жестоко испорченное. Потом указал пальцем на одну из фотографий, где хулиган стоит в полный рост, замахнувшись железной арматурой за секунду до того, как с «Майбаха» известного футболиста сбить зеркало.

— Я его видел, давно.

— Рассказывай, когда видел.

— Это было... давно, больше месяца назад, когда мы с Костиком, это приятель мой, решили с контроши по математике сбежать. Поехали по центру погулять, только скучно утром, все закрыто. Вот мы в парке зависли на лавках, и Костик ныть начал, что жрать хочет, а там рядом чебуречная есть. Этот тип крутился возле забора, там садик навороченный и школа с крутым забором. Ну короче, он шел, а Костик говорит. Давай его ломанем, денег заберем. Мы думали, это пацан мелкий, и хотели у него... ну, денег занять вроде, чтобы чебуреков купить. Мы за ним пошли в темноту, а он еще странный такой, давай вокруг «Майбаха» суетиться, пройти, что ли, не смог мимо. Хотя там места много было, додик на «Майбахе» воткнул свою тачку прямо поперек пешеходки, но пролезть все равно было реально. Но этот давай круги нарезать и дальше не идет, и в руке палка. Я Костику говорю, ну его на фиг, странный пацанчик, еще нам наступит, и мы погнались подальше оттуда.

— Число точное помнишь, время и адрес, где это было?

— Число... ну в дневнике можно посмотреть, адрес — следующая станция после Строевой на тридцать восьмом автобусе, на строевском рынке просто у Костяна мать работает, и мы дальше поехали, чтобы она нас не заметила. А по времени, ну я в семь тридцать вышел, типа, в школу пошел, так что там мы часов в восемь были или чуть позже.

— Лицо этого мальчика разглядели? Сможешь узнать?

— Лица не видели, он далеко от нас был и в маске до самых глаз, темно, и мы сзади него шли. Одежду помню, вот такая куртка у него и джинсы черные, ботинки, все черное. И хромал вроде он немного.

— Хромал, уверен?

— Да, припадал на ногу и как птица дергался взад-вперед, взад-вперед. Я точно помню, потому что страшно как-то так выглядело, будто в киношке. Туманище, темно и этот типок тащится с палкой.

В коридоре громко кашлянула женщина, в кабинет вошли сотрудница ПДН и сестра Ивана. Девушка тревожно бросила на парня взгляд — все в порядке?

Лев Иванович задал дополнительно несколько вопросов, ему уже было ясно, что начинающий угонщик может пригодиться для опознания хулигана, но сначала нужно его найти.

Когда оперативник вернулся в здание ГИБДД, в отделе сидела одна Лена. Она с надеждой в голосе спросила:

— Ну как? Нашли?

Гуров рассказал о безрезультатном поиске в подразделениях по делам несовершеннолетних. На вопрос, как у них продвигается розыск, девушка показала три листа со списком фамилий:

— Вот, пациенты детских травматологий, завтра наши сотрудники по адресам поедут, будут встречаться и разговаривать с родителями и с подростками. Лев Иванович, может, вы с утра приедете и дадите им инструкции, что говорить и что спрашивать?

— Конечно, с утра планерка, как и положено у нас, потом в поля поедут. Сам прокачусь в ближайшем районе, поговорю с врачом.

— Да вы и так задержались, уже рабочий день два часа как закончился. Генерал Орлов и из управления генерал меня предупредили, что вы только для консультации. Основную работу должны делать сотрудники отдела расследований, они стараются, конечно. Только в помощь выделили пять сотрудников ППС, мне кажется, им будет сложно проводить опросы без подготовки, могут упустить что-то важное.

— Эх, Елена, — Лев Иванович протянул девушке пальто. — Одевайся, подвезу тебя до дому. Сама сидишь на работе, хотя уже темно на улице. Ты молодец, азартная девчонка, но помни, что я тебе говорил. Работа — это не только раскрытие преступлений, это общение с коллегами, с начальством, с родными, в том числе баланс между работой и отдыхом должен быть. Завтра придешь усталая и сонная, что ты сможешь сообщить, если будешь клевать носом над бумажками?

— Это же мое первое самостоятельное дело, Лев Иванович. Мне так хочется его идеально сделать, — призналась молодая сотрудница.

В машине она продолжила рассуждать:

— Я вот все время про этого преступника думаю, кто он, почему так делает. Из ненависти к богатым? Но ему разные машины попадались, в основном дорогие, но так они и паркуются чаще с нарушением правил. И он выискивает машины именно с нарушением правил парковки. Что это за борьба за соблюдение одного-единственного пункта закона? Почему для него так важно, чтобы машина была правильно припаркована? Так же на видео заметно, что он вначале хромал, а потом перестал. Мне в голову такая мысль пришла: может быть, это просто маскировка? Ведь он должен понимать, что его и камеры, и видеорегистраторы снимают, поэтому специально нас запутывает. Мы ищем мальчика с травмой, а он совершенно здоровый, а хромает для отвода глаз, чтобы мы искали в другом направлении. Это же единственное практически, что о нем известно. Ни цвета волос, ни возраста, ни лица не видно на видеозаписях. Одет всегда в одну и ту же темную одежду, вполне

обычную — куртка с капюшоном, вязаная шапка, ботинки и джинсы. Да в такой одежде каждый второй подросток ходит. Даже если завтра кого-то заподозрим, как мы докажем, что это именно он? Свидетели лица не видели, да это ничего бы и не дало. Он ведь в маске. А знаете, что самое удивительное? Сегодня пришло много людей с заявлениями, их машины были повреждены за последние три дня. А за сегодня ни одного происшествия, представляете! Так странно, он же не пропускал ни одного дня, вернее, утра, и вдруг остановился. Неизвестно, как его искать. Неуловимый мститель какой-то, это его мой дедушка так назвал, когда я про работу рассказывала.

— Приехали. — Лев Иванович припарковался у подъезда и повернулся к собеседнице: — Елена, строго запрещаю обсуждать рабочие дела с дедушкой и другими домочадцами. Во-первых, тайна следствия, а во-вторых, дома приказ отдыхать. Завтра составим список имеющихся примет, мотивов, значимых пунктов, что узнали о преступнике, чтобы твои подчиненные понимали, кого искать.

Лена поблагодарила и пошла домой; Гуров же ехал и с улыбкой вспоминал, как сам в таком же возрасте, как она, постигал азы розыскного дела, совершал такие же ошибки и горел на работе, размышляя днем и ночью об очередном преступлении. Он и сейчас так же увлеченно работал над каждым расследованием, но научился вечером выключать голову и посвящать вечер любимой жене Марии.

Вот и сегодня, пускай хоть всю Москву этот автохулиган поставит на уши, а Лев должен быть дома обязательно не позже девяти вечера, чтобы отвезти Марию в аэропорт. Труппа театра, где служила Мария, уезжала с новым спектаклем на фестиваль в Берлин, так что впереди его ждали долгие дни холостяцкого одиночества. Такие одинокие дни он не любил и старался всегда загрузить себя работой, часто просто помогая коллегам, лишь бы задержаться, умотаться на работе так, что останутся силы лишь наскоро перекусить, принять душ и уснуть на диване, укрывшись пледом. На кровати ему совсем не спалось из-за нежного аромата духов от подушки жены и непривычной пустоты рядом. После аэропорта он поехал не домой, а в отдел, в пустой после рабочего дня кабинет и

несколько часов до рези в глазах смотрел одну за другой записи с камер видеонаблюдения, где худой подросток в черной одежде и маске, прикрывающей лицо до самых глаз, действовал по одной и той же схеме. Тростью, на которую опирался при ходьбе, он сносил зеркала, потом разбивал фары, дальше обходил автомобиль и железным штырем оставлял на его корпусе глубокий след, и перед уходом его голова мелькала со всех сторон машины, когда паренек или девочка (определить пол Гуров никак не мог) распарывал колеса. Сыщик особенно внимательно просмотрел каждый кадр, на которых преступник уходит от машин, запомнив каждый шаг и поворот тела, как маленький человек раскачивается вперед-назад при ходьбе, припадает на правую ногу, выносит вперед корпус, а затем с усилием переставляет больную конечность, не сгибая ее в колене. Все характерные признаки этого человека Лев записал в список, чтобы завтра озвучить тем, кто поедет искать подростка с травмой, подходящего на роль автохулигана. Домой он поднимался, пошатываясь от усталости, переоделся и мгновенно уснул на узеньком диване в гостиной.

Утро у Гурова началось и правда в лучших традициях одинокого мужчины. Он порезался при бритье, сжег яичницу и заляпал кофе свежевывглаженную рубашку. Хорошо, что заботливая жена оставила ему на видном месте аптечку с пластырем, гору бутербродов и перед поездкой тщательно отутюжила все рубашки, сложив их в шкаф.

По дороге в ГИБДД Гурову очень хотелось позвонить Крячко или Орлову, чтобы узнать, как обстоят дела на работе. Потом он решил, что работа оперативной группы организована, поиски идут по плану, так что после обеда можно и заскочить к своим на полчаса или пригласить Стаса в гости на холостяцкие посиделки после работы.

Льва Ивановича ждали рядовые сотрудники отдела расследований ГИБДД, несколько человек в форме ППС и Лена, они как первоклассники выложили перед собой блокноты и приготовились записывать.

Гуров поставил задачи; свежее испеченные оперативники распределили районы по сотрудникам, записали вопросы для

опроса родителей и подростков и усвоили строгую инструкцию: все беседы с детьми проводить только в присутствии родителей, опекунов или педагога.

Лена поделилась своими наблюдениями:

— Обращайте внимание на продолжительность травмы ребенка, наш автоматистель хромает с каждым днем все меньше, так что предположительно его травма получена пару месяцев назад. Уточняйте примерно распорядок дня ребенка и как долго он бывает без присмотра родителей, преступник необязательно хулиган, который состоит на учете, им может быть и образцовый отличник с хорошей репутацией, которого родители как раз меньше всего контролируют. Ваша задача максимально собрать данные на подростка, его образ жизни и выяснить, есть ли у него алиби. И обязательно узнайте, в чем ходит ученик или ученица в школу, а также на прогулку. Не забывайте, два месяца назад, когда началась серия преступлений, был февраль и он мог быть в зимней одежде. Или у подростка есть несколько комплектов верхней одежды. Мы ищем черную куртку с капюшоном, черные кроссовки и черную вязаную шапку.

— А если автоматистель найдется? Если я понял, что этот пацан хулиганил, что мне тогда делать?

— Звоним следователю Семенову Елене или мне, — объяснил Гуров. — Родителям или педагогу можете просто сказать, что дополнительно придется проехать в отдел, то же самое повторить для следователя. Ничего критичного, обычная формальность, не надо провоцировать родителей или подростка на неожиданные действия. Приедет оперативная бригада, доставит в отделение и с соблюдением закона мы опросим задержанного уже более подробно.

— А потом что? Его же отпустят! — буркнул с заднего стола молодой сотрудник ППС. — И дальше понесется машины колотить, он же малолетка, ничего ему не будет. Пускай паркуются где положено, и проблемы не будет.

— Ой, Филиппов, молчи, — ткнул его в бок коллега. — Как будто ты святой, всегда по правилам паркуешься, у нас машин в городе больше, чем людей, летать проще научиться, чем свободный пятачок найти.

— Коллеги, давайте дискуссии оставим до вечера, а в рабочее время будем искать преступника, — дружелюбно предложил Гуров.

От того, что опер по особо важным делам назвал их коллегами, сотрудники вдохновенно засобирались, укладывая в планшеты свои записи, списки адресов и дат зафиксированных преступлений.

Лев Иванович и сам, как рядовой опер, взялся отработать несколько адресов, в частности детскую больницу недалеко от работы, где он не только хотел переговорить с родителями школьников, но и проконсультироваться с врачом по вопросу, который его преследовал уже сутки.

ГЛАВА 3

В машине он взглянул на список детей: Тарасенко Мария, Птицына Ирина, обе ученицы одиннадцатого класса «Г» школы № 158; что за странная эпидемия в учебном заведении, когда сразу две ученицы сломали ноги. В список для опроса по предложению сыщика включили и девочек, так как даже пол преступника из-за нейтрального одеяния определить было трудно.

Но перед тем, как заехать в школу, Гуров свернул на две улицы раньше и остановился возле старого ограждения, за которым находился парк, и в нем высилось большое, сияющее свежим ремонтом, здание детской больницы.

В здании он переоделся в халат и по указанию дежурного охранника на входе пошел по шумным коридорам детской больницы в поисках отделения травматологии. Врач, молодой человек, со всех сторон облепленный шумными пациентами, проводил осмотр сломанных тонких ручонков, вывихнутых лодыжек, треснувших ребер детей. На просьбу Гурова он откликнулся сразу, провел его в ординаторскую и внимательно просмотрел на телефоне запись с камеры видеонаблюдения.

— Не припоминаю никого с такой травмой и с таким сколиозом, — развел руками травматолог. — Я же пациентов своих помню по травмам и диагнозам. На видео заметный перекосяк, правое плечо ниже, сильная хромота скорее всего из-за травмы

колена, так как человек держит тело ровно, а при травмах ноги выше колена характерна большая амплитуда движения корпусом. С травмами ног за последние полгода привозили двух девочек, у обеих трещина в бедренной кости при прыжке с высоты. В соседней школе две старшеклассницы брали друг друга, что называется, на слабо и сиганули с окна класса на втором этаже. В результате почти идентичные травмы. Был мальчик, но он до сих пор в отделении, у него кость оказалась раздроблена и нам не удалось спасти часть ноги. Травма колена... у пациента от двенадцати до шестнадцати... нет, не припомню. Да вы знаете, ваш герой мог к нам даже и не попасть, часто пациентов начиная от пятнадцати лет «Скорая» или родители отвозят во взрослую травматологию, где накладывают шину и гипс. Не все потом приходят на прием к хирургу в поликлинику, у детей удивительная регенерация тканей, уже через пару месяцев прыгают как новенькие. Серьезные травмы нижних конечностей у детей старше десяти происходят реже, чем у младшеклассников. С возрастом они лучше начинают владеть телом, травмы становятся незначительными. Неудачно мячом попадают в лицо на уроке физкультуры, лодыжку могут вывихнуть, максимум трещина в руке или рваная рана, а вот сложные переломы становятся, к счастью, редкостью.

— А скажите, вот эта хромота на видео, она может быть актерской игрой? — уточнил оперативник. — Может подросток просто кривляться или притворно хромать.

Врач второй раз просмотрел видео, раздумывая, сдвинул медицинскую шапочку за затылок.

— Трудно сказать, у меня такого подозрения движения человека на видео не вызвали. Если это и притворство, то, можно сказать, профессиональное, со знанием дела. Кривлянием подростка точно не назовешь.

— Понимаете, нас смущает, что человек на видео пару месяцев назад сильно хромал, а потом все меньше и меньше. Но иногда он опять начинает сильно припадать на правую ногу, поэтому и возникла мысль, что это просто трюк, отвлекающий маневр.

— Совсем не похоже на притворство, но, возможно, подросток на видео долго и скрупулезно репетировал. Но думаю, ни

один эксперт не даст вам однозначного ответа. У нас в больнице иногда такие юные дарования встречаются, корчатся в страшных муках с приступом аппендицита, а потом выясняется, что притворяются они из-за невыученной темы перед контрольной по математике. Единственное, чем могу помочь, — привозите еще видео, посмотрю и скажу уже точнее, с более высоким процентом достоверности притворяется подросток или нет, — предложил врач.

— Спасибо в любом случае.

Лев Иванович распрощался с врачом и направился по следующему адресу, в квартиру, где жила Ирина Птицына. На звонок почти сразу высокий женский голос выкрикнул:

— Иду, бегу! — и дверь ему распахнула женщина средних лет, в очках с узкой оправой, тщательно уложенным каре и в строгом костюме. Улыбка на лице женщины мгновенно погасла, и она рванула дверь на себя при виде крупного и высокого незнакомца.

Лев Иванович не попытался ее придержать, он спокойно через дверь представился, и женщина снова открыла дверь.

— Что случилось? С Ириной все в порядке?

— Да, я пришел просто поговорить.

Женщина неохотно шагнула в глубину квартиры, пропускающая оперативника.

— Проходите, я только пришла с совещания. Вы меня так напугали. Меня зовут Виктория Федоровна, мать Ирины.

— А почему вы решили, что я пришел к вам по поводу Ирины?

— У вас есть дети? — Взгляд у матери Ирины был колючим, а манеры властными. Задавая вопрос, она слегка наклонилась вперед, словно нависая над сыщиком. — Есть дочь-подросток? Можете не отвечать, если бы была, то не задавали бы такие вопросы. — Женщина резко отступила и прошла на кухню. — И по какому поводу визит?

Гуров объяснил ситуацию, стараясь уклончиво отвечать на вопросы женщины, но та волновалась все сильнее, так как оперативник отказывался говорить подробности дела, по которому приехал.